

Р.И. Сементковский

М. Н. Катков

**Его жизнь и литературная
деятельность**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Р11

Р11 **Р.И. Сементковский**
М. Н. Катков: Его жизнь и литературная деятельность / Р.И. Сементковский –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 82 с.

ISBN 978-5-517-96117-4

ISBN 978-5-517-96117-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Михаила Никифоровича Каткова, бесспорно, слѣдуетъ признать самымъ извѣстнымъ изъ русскихъ публицистовъ. Не только въ Россіи, но далеко за ея предѣлами, въ теченіи двадцати четырехъ лѣтъ постоянно говорили о Катковѣ, читали и обсуждали его статьи. Въ этомъ отношеніи на ряду съ нимъ можетъ быть поставленъ развѣ только И. С. Аксаковъ. Но публицистическая дѣятельность послѣдняго по разнымъ причинамъ часто прерывалась на болѣе или менѣе продолжительное время; голосъ-же Каткова за все это время раздавался почти непрерывно и притомъ такъ громко, что какъ у насъ, такъ и за границею къ нему внимательно прислушивались всякій разъ, когда пульсъ русской государственной и общественной жизни бился ускоренно.

Извѣстность однако бываетъ различная, смотря по тому, достигается-ли она положительною или отрицательною дѣятельностью. Сама по себѣ она не можетъ еще считаться доказательствомъ выдающихся заслугъ. Чтобы уяснить себѣ значеніе того или другого публициста, надо разобратся въ его дѣятельности, подвергнуть ее тщательному анализу. Современники относились къ покойному Каткову весьма различно. Одни признавали его заслуги передъ Россіей громадными; другіе столь-же рѣшительно заявляли, что онъ кромѣ вреда ничего не принесъ. Стоитъ только вспомнить эпитеты, которые присвоивались Каткову при его жизни или тотчасъ послѣ смерти, чтобы понять, какой противорѣчивой оцѣнкѣ онъ подвергался. Одни называли его «создателемъ русской публицистики», «борцомъ за русскую правду», «носителемъ русской государственной идеи», «установителемъ русскаго просвѣщенія», «столпомъ рус-

скаго и славянскаго самопознанія», «златоустомъ-апостоломъ величія и славы Россіи», «русскимъ палладіумомъ», «грозою Германіи и Англіи», «русскими Термопилами». Другіе придавали ему насмѣшливыя и презрительныя клички: «громовержца Страстного бульвара», «будочника русской прѣссы», «жреца иракобѣсія», «проповѣдника сикофанства», «московскаго Менцеля», или даже «герцога Альбы» *). Но даже если не останавливаться на этихъ эпитетахъ, содержащихъ очевидное преувеличеніе отрицательныхъ или положительныхъ сторонъ дѣятельности Каткова, другими словами, если имѣть въ виду только болѣе или менѣе обоснованныя сужденія современниковъ о покойномъ московскомъ публицистѣ, то и въ такомъ случаѣ надо будетъ признать, что дѣятельность Каткова оцѣнивалась въ двухъ діаметрально противоположныхъ направленіяхъ. «Дивное по истинѣ зрѣлище!—говорилъ въ надгробномъ словѣ московскій митрополитъ Іоанникій при отпѣваніи покойнаго Каткова: Человѣкъ, не занимавшій никакого виднаго высокаго поста, не имѣвшій никакой правительственной власти, дѣлается руководителемъ общественнаго мнѣнія многомилліоннаго народа; къ голосу его прислушиваются и иностранныя народы и принимаютъ его въ соображеніе при своихъ мѣропріятіяхъ. Рѣдко кому выпадала на долю такая завидная участь!»... «Церковь и общество, государство и семья, наука и искусство,—присовокупляя другой проповѣдникъ,—все, всѣ стороны человѣческой жизни и дѣятельности охватывалъ онъ своимъ орлинымъ зоркимъ взглядомъ, оцѣнивалъ, опредѣлялъ и устроялъ своимъ геніальнымъ умомъ, обо всемъ болѣлъ своею великою душою. Его взглядомъ дорожили сильныя міра сего; къ его слову прислушивались правители народныя; его душа обаяла всѣхъ истинно-русскихъ людей».

Съ другой стороны, мы читаемъ въ некрологѣ, посвященномъ «Вѣстникомъ Европы» покойному публицисту: «Совершенно правы тѣ, кто называетъ Каткова отрицателемъ по преимуществу... Это еще не значить, чтобы въ отрицаніи заключалась его сила... Кри-

*) Графъ А. Толстой въ извѣстномъ рукописномъ стихотвореніи „Единство“.

тика Каткова стоитъ развѣ немногимъ выше его положительнаго ученія; его отрицаніе не только бесплодно, оно бессильно... Искусственное единодушіе, вынужденное согласіе, организованное лицемеріе, вотъ чего хотѣлъ Катковъ... Сложилась цѣлая легенда, приписывающая ему честь удержанія Царства Польскаго за Россіей... Какъ и всякая другая легенда, она не устоитъ передъ судомъ исторіи... Говорили, что Катковъ много сдѣлалъ для русской печати, что онъ поднялъ ее на небывалую высоту, далъ ей небывалое значеніе. Болѣе ошибочнаго мнѣнія нельзя себѣ и представить».

Независимо отъ этой противорѣчивой оцѣнки современниковъ, обыкновенный судъ надъ московскимъ публицистомъ затрудняется еще тѣмъ, что онъ самъ отличался изумительною неустойчивостью въ своихъ воззрѣніяхъ. Онъ съ одинаковою наружною страстностью защищалъ и либеральныя и консервативныя воззрѣнія, отстаивалъ широкое участіе общественныхъ силъ въ государственной жизни и отвергалъ это участіе, высказывался за сильную центральную власть и дискредитировалъ главные ея органы, издѣвался надъ сторонниками національнаго принципа и самъ выступалъ его страстнымъ поборникомъ, превозносилъ судъ присяжныхъ и глумился надъ нимъ; громилъ и фритредеровъ, и протекціонистовъ, проповѣдовалъ союзъ съ Франціей и отвергалъ его, видѣлъ въ Бисмаркѣ нашего вѣрнѣйшаго друга и злѣйшаго врага. При такой измѣнчивости его основныхъ взглядовъ, нельзя прикладывать къ нему обыкновенной мѣрки. Его дѣятельность въ этомъ отношеніи не выдерживаетъ даже снисходительной критики. Если руководствоваться исключительно его статьями, то можно придти только къ выводу, что ихъ писалъ человекъ, очень мало подготовленный и способный къ зрѣлому обсужденію государственныхъ и общественныхъ вопросовъ, а громкая извѣстность Каткова представится намъ явленіемъ совершенно загадочнымъ. Только въ связи съ обстоятельствами его жизни и съ общими условіями, въ которыхъ поставлено наше отечество, эта загадка можетъ быть разрѣшена. По отношенію къ Каткову болѣе чѣмъ по отношенію къ какому-бы то ни было публицисту, можно сказать, что очеркъ его дѣятельности долженъ совпадать съ очер-

комъ его жизни. Поэтому мы рассмотримъ его публицистическія работы въ связи съ обстоятельствами его жизни, придерживаясь хронологическаго порядка и избѣгая всякихъ сужденій, не основанныхъ на точномъ и провѣренномъ фактическомъ матеріалѣ. Факты въ данномъ случаѣ лучше и полнѣе всякихъ словъ выяснятъ намъ истинное значеніе Каткова *).

---

*) Матеріалами для составленія нашего очерка послужили: „Московскія Вѣдомости“ съ 1851—1887 г.—„Русскія Вѣдомости“ съ 1857—1887 г.—*М. Н. Катковъ*, 1863 г. Москва 1887 г. (Сборникъ его статей по польскому вопросу, корреспонденцій, помѣщенныхъ въ „Моск. Вѣд.“ въ 1863 г., и официальныхъ документовъ по тому-же вопросу).—*М. Н. Катковъ*, 1884 г., Москва 1887 г. (собраніе главныхъ статей Каткова за 1864 г.).—*Любимовъ* М. Н. Катковъ („Русск. Вѣст.“ 1888 и 1889 г.г. Личныя воспоминанія г. Любимова, подчасъ весьма цѣнныя. Кромѣ того, читатель найдетъ въ статьяхъ г. Любимова нѣкоторыя чрезвычайно интересные официальные документы, касающіеся издательской и редакторской дѣятельности Каткова).—*Невѣдѣнскій*. Катковъ и его время СПб. 1888 г. (Весьма добросовѣстная и довольно непристрастная біографія Каткова. Къ сожалѣнію, авторъ не воспользовался ни его экономическихъ статей, ни статей по классическому образованію. Въ книгѣ г. Невѣдѣнскаго содержатся нигдѣ еще не опубликованныя и чрезвычайно цѣнныя письма Каткова къ покойному издателю „Голоса“, А. А. Краевскому).—*Панаевъ*. Литературныя Воспоминанія.—Некрологи, помѣщенные въ разныхъ поврежденныхъ изданіяхъ.—Матеріалы, разбросанные въ разныхъ историческихъ журналахъ, преимущественно въ „Русской Старинѣ“.

I.

Молодость Каткова. — Его первые литературныя работы.

Къ публицистической своей дѣятельности Катковъ приступилъ очень поздно, именно въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда ему было уже болѣе 40 лѣтъ. Собственно редактировать «Московскія Вѣдомости» онъ началъ въ 1851 году, но о широкой публицистической дѣятельности въ то время, по цензурнымъ условіямъ, еще и рѣчи быть не могло; да и самъ Катковъ не рѣшался приступить къ ней. Только ко времени основанія «Русскаго Вѣстника» (въ 1856 г.) относятся его первыя слабыя попытки приступить къ обсужденію политическихъ вопросовъ. Но независимо отъ цензурныхъ условій, неподготовленность самого Каткова къ разработкѣ вопросовъ внутренней и внѣшней политики служила въ этомъ отношеніи препятствіемъ, такъ что публицистическая роль Каткова остается весьма незамѣтною и только въ шестидесятыхъ годахъ, въ особенности-же въ 1863 г., когда Катковъ окончательно принялъ на себя редактированіе «Московскихъ Вѣдомостей», онъ обращаетъ на себя общее вниманіе, какъ публицистъ. «Русскій Вѣстникъ» пріобрѣлъ извѣстность и популярность, благодаря сотрудничеству выдающихся литературныхъ силъ (Тургенева, Толстого, Салтыкова и др.); «Московскія-же Вѣдомости» приковали къ себѣ общее вниманіе, благодаря статьямъ самаго Каткова.

Мы указываемъ на этотъ поздній разцвѣтъ публицистическаго дарованія Каткова, чтобы выяснитъ одно обстоятельство, чрезвычайно важное для правильной оцѣнки его дѣятельности. Всѣ біографическія свѣдѣнія о Катковѣ сходятся въ томъ, что онъ началъ

интересоваться государственными науками только съ 1858 года, т. е. на 41 году жизни. До того времени никто въ немъ и не подозрѣвалъ публициста. Когда Катковъ приступалъ къ основанію «Русскаго Вѣстника», такой компетентный судья, какъ Грановскій, высказалъ рѣшительное сомнѣніе, чтобы Катковъ и его товарищъ, Леонтьевъ, могли успѣшно и съ знаніемъ дѣла обсуждать политическіе вопросы. Этотъ взглядъ вполнѣ раздѣлили сотрудники самого «Русскаго Вѣстника». Да и дѣйствительно, стоитъ только бросить взглядъ на всю предшествующую жизнь Каткова,—и мы убѣдимся, что политическими вопросами онъ не интересовался и къ обсужденію ихъ не былъ подготовленъ.

Лишившись очень рано отца, мелкаго чиновника, онъ былъ помѣщенъ матерью своею, урожденной Тулаевой *), въ Преображенскій сиротскій институтъ; оттуда онъ былъ переведенъ въ первую московскую гимназію, а затѣмъ въ славившійся въ то время пансіонъ извѣстнаго профессора Павлова, гдѣ и окончилъ гимназическій курсъ 17-ти лѣтъ въ 1834 году. Въ томъ-же году Катковъ поступилъ въ московскій университетъ на словесное отдѣленіе. Черезъ четыре года, въ 1838 г. онъ окончилъ университетскій курсъ кандидатомъ съ отличіемъ. Изъ тогдашнихъ профессоровъ наиболѣе популяренъ былъ извѣстный критикъ Надеждинъ, читавшій теорію изящныхъ искусствъ и логику, и Павловъ, читавшій физіку и теорію сельскаго хозяйства, но перемѣшивавшій изложеніе этихъ предметовъ разными философскими теоріями, главнымъ образомъ философіей Гегеля и Шеллинга. Какъ Надеждинъ, такъ и Павловъ увлекались Шеллингомъ, и это увлеченіе передавалось ихъ слушателямъ. Такимъ образомъ молодой Катковъ по обязанности занимался филологіей, а увлекался философіей, чему много содѣйствовало общее настроеніе тогдашней молодежи. Какъ извѣстно, въ то

---

*) По скуднымъ свѣдѣніямъ, сохранившимся о матери Каткова, она имѣла большое вліяніе на сына, укрѣпивъ въ немъ религіозное чувство. Самъ Катковъ говорилъ Любимову, что по происхожденію отъ матери, о которой онъ сохранилъ самую благоговѣйную память, въ его жилахъ есть грузинская кровь.

время русская молодежь бредила Гегелемъ и Шеллингомъ; увлеченіе Франціею замѣнилось увлеченіемъ германскою наукою и германскою поэзіею. Бѣлинскій, Грановскій, Герценъ, Огаревъ, К. Аксаковъ, Самаринъ, Буслаевъ, Кудрявцевъ, Кавелинъ, Тургеневъ, Кольцовъ, всѣ эти видные дѣятели русской литературы или науки либо получили въ то время образованіе въ московскомъ университетѣ, либо примкнули (въ томъ числѣ даже Огаревъ съ своими друзьями) къ кружку, душою котораго первоначально былъ Станкевичъ, а потомъ Бѣлинскій, и члены котораго занимались главнымъ образомъ обсужденіемъ и изученіемъ нѣмецкой философіи. Къ этому кружку присоединился и Катковъ, хотя онъ былъ моложе многихъ его членовъ и слѣдовательно не могъ разыгрывать въ кружкѣ сколько нибудь видную роль. Ближе всего онъ сошелся съ Бѣлинскимъ и Бакунинымъ, особенно съ послѣднимъ.

Нѣмецкою философіею увлекались всѣ члены кружка. Увлеченіе это доходило до того, что < у нихъ отношеніе къ жизни, къ дѣйствительности, сдѣлалось школьное, книжное, что напримѣръ челоуѣкъ который шелъ гулять въ Сокольники, не просто гулялъ, а отдавался пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ, и если ему попадался по дорогѣ солдатъ подъ хмелькомъ или баба, вступавшая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народности въ ея непосредственномъ и случайномъ проявленіи. Слеза, навертывавшаяся на глазахъ также строго относилась къ своей категоріи, — къ трагическому въ сердцѣ >. Всѣ споры, пререканія, размолвки между тогдашнею молодежью имѣли своимъ предметомъ все ту же нѣмецкую философію или вызывались ею. Она не только живо интересовала умы, но и составляла основаніе всего міросозерцанія молодежи. Участіе въ государственной или общественной жизни было тогда немыслимо. Такимъ образомъ создавалась искусственная атмосфера, которою дышала молодежь. Само собою разумѣется, что по мѣрѣ того, какъ молодежь приходила въ соприкосновеніе съ дѣйствительностью, идеалы, почерпнутые изъ нѣмецкой философіи, должны были постепенно видоизмѣниться. Впечатлѣнія, вынесенныя до университетской жизни,

также оказывали свое дѣйствіе. Наконецъ и характеръ даннаго лица, его нравственныя начала должны были повліять въ этомъ отношеніи. Только такимъ образомъ можно себѣ объяснить, что изъ московскихъ кружковъ Станкевича и Бѣлинскаго вышли люди столь различнаго направленія, какъ Бѣлинскій, К. Аксаковъ, Герценъ, Катковъ. Чтобы понять, какъ одно дерево могло дать столь различные ростки, надо вдуматься въ жизнь каждаго изъ этихъ выдающихся дѣятелей, прослѣдить вліяніе, которому они подвергались въ раннемъ возрастѣ и вникнуть въ обстоятельства ихъ дальнѣйшей жизни. Умственный интересъ былъ одинаково возбужденъ у всѣхъ членовъ этихъ кружковъ и на первый разъ находилъ себѣ удовлетвореніе въ той приподнятой умственной и нравственной жизни, которая царила въ московскомъ университетѣ во второй половинѣ 30-хъ годовъ, въ блестящую Строгоновскую эпоху*). Отвлеченные идеалы и теоріи Гегеля и Шеллинга не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія на юношей, мало затронутыхъ требованіями практической жизни. Но по мѣрѣ того, какъ эта жизнь вступала въ свои права, теоріи и идеалы нѣмецкихъ философовъ блѣднѣли. Приходилось считаться съ конкретными условіями, избрать опредѣленную дѣятельность. Нравственная атмосфера, которою дышали члены кружковъ, согрѣла многихъ изъ нихъ на всю жизнь: она, вѣроятно, не мало содѣйствовала появленію такихъ свѣтлыхъ и идеальныхъ личностей, каковы были нѣкоторые изъ русскихъ дѣятелей, вышедшіе изъ этихъ кружковъ. Но и наиболѣе свѣтлые изъ нихъ, каковы незабвенный Бѣлинскій и К. Аксаковъ, далеко разошлись въ своихъ воззрѣніяхъ, а другіе, не будучи въ нравственномъ отношеніи такими стойкими, подчинились въ своей дѣятельности вліяніямъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ тѣмъ или другимъ міросозерцаніемъ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и Катковъ.

Онъ довольно тѣсно примкнулъ къ кружку Бѣлинскаго и дол-

---

*) 1-го іюля 1835 г. почетнымъ членомъ московскаго учебнаго округа былъ назначенъ графъ Сергій Григорьевичъ Строгоновъ, и былъ введенъ новый университетскій уставъ.

гое время шель съ нимъ какъ-бы рука объ руку. Онъ былъ дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ «Московского Наблюдателя», когда этотъ журналъ редактировался Бѣлинскимъ. Вмѣстѣ съ нимъ онъ началъ сотрудничать и въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго, т. е. перенесъ литературную дѣятельность изъ Москвы въ Петербургъ. Въ чемъ заключалось сотрудничество Каткова въ этихъ двухъ изданіяхъ? Чѣмъ была тогда занята его мысль? Онъ былъ въ восторгѣ отъ эстетики Гегеля и такъ хорошо усвоилъ себѣ его ученіе, что, какъ пишетъ Бѣлинскій, разбивалъ въ прахъ тогдашнія теоріи нашего знаменитаго критика, впрочемъ, знакомившагося съ Гегелемъ, по незнанію нѣмецкаго языка, — какъ извѣстно, изъ вторыхъ рукъ. Катковъ-же зналъ прекрасно не только нѣмецкій, но и французскій и англійскій языки. Можетъ быть, поэтому Бѣлинскій чрезвычайно дорожилъ его обществомъ. Но кромѣ философіи Катковъ занимался еще поэзіей. Особенное пристрастіе онъ питалъ къ Гейне, Гофману, отчасти Шекспиру. Сотрудничество его въ «Наблюдателѣ» выразилось главнымъ образомъ въ переводахъ изъ этихъ писателей, — переводахъ, надо сказать, довольно неудачныхъ. Такъ напримѣръ, послѣдняя строфа знаменитаго стихотворенія Гейне «Къ матери» гласитъ въ Катковскомъ переводѣ такъ:

„Больной назадъ я путь поворотилъ,
Пришелъ домой, и мать меня встрѣчала.
И то, чего душа моя алкала, —
Любовь, любовь въ глазахъ ея сіяла“.

Столь-же неудачны переводы изъ «Ромео и Юліи»:

„О, продолжай, мой свѣтлый ангелъ! Ты
Надъ головой моей средь ночи блещешь
Въ такой-же славѣ, какъ посланникъ неба
Предъ взорами смущенными людей,
Которые, упавъ на землю навзничъ,
На дивнаго посла взираютъ въ страхѣ“ и т. д.

Спрашивается, вызывались-ли эти переводы внутреннею потребностью Каткова или только желаніемъ зарабатывать хлѣбъ литературнымъ трудомъ? Въ то время матеріальныя обстоятельства Каткова были далеко не завидны. Онъ долженъ былъ содержать

себя, мать и младшаго брата, а денежныхъ средствъ не было никакихъ. Но не подлежитъ сомнѣнiю, что Катковъ искренно увлекался какъ философiей, такъ и поэзiей. Въ литературныхъ воспомина- нiяхъ Панаева разсказанъ случай изъ жизни Каткова, вполне под- тверждающiй искренность его увлеченiя поэзiей. Въ то время онъ зачитывался Гофманомъ и до того увлекся этимъ писателемъ, что хотѣлъ непременно попасть въ погребокъ (Weinkeller), играющiй большую роль въ произведенiяхъ знаменитаго нѣмецкаго разсказ- чика, и пригласилъ Панаева посѣтить такое заведенiе. Когда-же Панаевъ отказался, разъяснивъ Каткову, что въ Петербургѣ по- гребокъ на нѣмецкiй ладъ не существуетъ, Катковъ серьезно раз- сердился и два дня дулся на Панаева. Кромѣ того извѣстенъ фактъ, что Катковъ въ то время любилъ декламировать стихи, сопровождая декламацию усиленными тѣлодвиженiями, закатыванiемъ глазъ, выкрикиванiями и завыванiемъ. Наконецъ искренность его увле- ченiя германской философiей и поэзiей выразилась въ томъ фактѣ, что онъ, будучи лишенъ всякихъ средствъ къ существованiю, пред- принялъ поѣздку за-границу и прожилъ около двухъ лѣтъ въ Гер- манiи въ самомъ бѣдственномъ положенiи.

Тутъ мы встрѣчаемся уже съ другою чертою характера молодого Каткова. Въ немъ, несомнѣнно, былъ большой запасъ энергiи, про- изводившiй сильное впечатлѣнiе на его товарищей. Въ универси- тетѣ онъ занимался прекрасно. Его отвѣты на экзаменахъ обращали на себя общее вниманiе. Молодые студенты, какъ передаетъ г. Лю- бимовъ — ходили слушать, «какъ отвѣчаетъ Катковъ». Ихъ къ этому впрочемъ поощрялъ и тогдашнiй инспекторъ, извѣстнiй Нахимовъ. «Что болтаетесь?—говорилъ онъ студентамъ:—пойдите, послушайте, какъ Катковъ отвѣчаетъ». Тогда уже попечитель, графъ Строгоновъ, обратилъ особенное вниманiе на Каткова. По оконча- нiи университета онъ, несмотря на затруднительное матеріальное положенiе, на необходимость заниматься литературою, чтобы про- кормить себя, мать и брата, черезъ годъ сдалъ магистерскiй экза- менъ, а когда ему улыбнулось счастье и онъ получилъ отъ Краев- скаго приглашенiе участвовать въ «Отечественныхъ Запискахъ»